

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-2-7-29

ИДЕЙНЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕССА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИОЛОГИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В.А. Кудрявцев, канд. филос. наук, доц., доц. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Вопрос институционализации социологии в России представляет интерес для историко-социологического анализа, во-первых, с точки зрения перемены мировоззренческой парадигмы в образованном русском обществе конца XIX — начала XX вв. Во-вторых, это вопрос чисто практического оформления в нашем обществе позитивистских, материалистических и противоположных им идей и учений. Социологизм и его институционализация — это содержание и форма становления и закрепления свершившегося поворота общественного сознания. Трудно и медленно шедшие процессы проникновения, распространения и обретения социологией официального статуса в виде институциональных форм сегодня необходимо ретроспективно рассматривать только в исторической перспективе — в свете совершившихся революций 1917 г. и последовавших сразу за ними событий. В данной статье демонстрируется, что сегодня становление социологической теории и ее институционализация в имперской России являются не только предметом интереса историков и обществоведов, но и существенным моментом осмысления динамики новых идей и теорий вековой давности, которые необходимо учитывать в нашем настоящем и при прогнозировании будущего.

Ключевые слова: социология, социологизм, позитивизм, антипозитивизм, институционализация, главные направления.

* Кудрявцев Владимир Александрович, e-mail: vladikudr@mail.ru.

IDEOLOGICAL AND THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE INSTITUTIONALIZATION PROCESS OF SOCIOLOGY IN PREREVOLUTIONARY RUSSIA

Kudreavtsev Vladimir A., the Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of History and Theory of Sociology of Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vladikudr@mail.ru

Firstly, the question of institutionalization of sociology in Russia is of interest for historical and sociological analysis from the point of view of changing the world outlook paradigm in educated Russian society of the late XIX — early XX centuries. Secondly, it is a question of purely practical formulation of positivistic, materialistic and opposing ideas and teachings in our society. Sociologism and its institutionalization is the content and form of emergence and consolidation of the accomplished turn of public consciousness. The processes of penetration, dissemination and acquisition of official status by sociology in the institutional forms walked hard and slow. Today it is necessary to consider them retrospectively only in a historical perspective — in the light of the revolutions of 1917 and the events that immediately followed. This article demonstrates that today the emergence of sociological theory and its institutionalization in imperial Russia is not only the subject of interest of historians and social scientists, but also an essential point of understanding the dynamics of new ideas and theories, which must be taken into account in our present and in predicting the future.

Key words: sociology, sociologism, positivism, anti-positivism, institutionalization, main directions.

Вопросы институционализации социологии и становления социологического образования в дореволюционной России достаточно исследованы, проработаны и освещены в отечественной исследовательской литературе. Что касается именно социологического знания в дореволюционной России, зародившегося и развивавшегося и на Западе, и у нас в стране в виде позитивизма и материализма, то его институционализация является, во-первых, вопросом изменения теоретико-мировоззренческой парадигмы мышления, т.е. идеологии, и только во-вторых, вопросом чисто практическим, если не политическим. Свершившийся поворот и дальнейшее развитие самого духа в то время вполне закономерно вызвали к жизни проблему оформления и закрепления перелома главного, нового тогда “интереса эпохи”, в том числе и в виде социологизма как анти-метафизического, т.е. позитивного типа мышления. Его трудно и медленно шедшее распространение и закрепление, проходившее в условиях, во много в аналогичных нынешним, является сегодня

не только объектом интереса истории и теории социологии, но и существенным моментом осмысления нашего исторического прошлого за последний век, а значит и нашего настоящего и будущего.

Анализ самого процесса институционализации социологии в России был одной из особо популярных тем в соответствующей профессиональной среде в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Думается, такой, вдруг возникший интерес к данной теме был во многом вызван поисками самоидентификации российских ученых-обществоведов в связи с общим оживлением исследовательского интереса после освобождения из-под идеологического гнета марксистско-ленинской философии. Известным фактом является то, что советская социология 60–80-х гг. прошлого века, будучи жестко включенной в идеологическую парадигму, была далека от возможности постановки теоретических вопросов¹. И как только такая возможность представилась, ряд ученых не замедлили ею воспользоваться. Однако стоит отметить, что сегодня число научных исследований, посвященных анализу и осмыслению процесса развития и оформления непосредственно русской социологической традиции, недостаточно. В силу малого интереса и малочисленности специалистов по русской социологической мысли имена ученых, которые еще в позднем Советском Союзе, а потом в 1990-е — начале 2000-х гг. занимались исследованием данной проблематики, известны любому студенту-социологу из курса истории русской социологии в России. К числу таких, наиболее значимых исследователей можно отнести В.В. Козловского и И.А. Голосенко², Е.И. Кукушкину³, С.С. Новикову⁴, А.Н. Медушевского⁵.

В начале 2017 г. вышла в свет статья академика М.К. Горшкова “Самобытность русской социологии в контексте исторического времени”, в которой он делает попытку возобновить обсуждение темы институционализации социологии и вернуть ее в наш научный дискурс. Автор указывает на три критерия, позволяющие оценить и “измерить” самобытность и теоретические достижения русской социологической мысли: “исторические корни; субстанциональное

¹ Москвичев Л.Н. Этапы институционализации отечественной социологии // Социология власти. 2004. № 2. С. 28–29.

² Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.

³ Кукушкина Е.И. Русская социология XIX — начала XX вв. М., 1993; Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной. М., 2004, 2006.

⁴ Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.; Воронеж, 2000.

⁵ Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.

и институциональное становление; современное состояние и ресурс дальнейшего развития”⁶. М.К. Горшков указывает на главную прореху в нашем знании — разрыв современной социологии с дореволюционной. На основе оценки опыта построения капитализма в постсоветской России по западным лекалам он в то же время призывает к “научно-критическому осмыслению возможности применения накопленного западными социологическими школами знания”⁷.

Как известно, практика — критерий истины, и на основе ее необходимы корректировки, иногда существенные. В данной статье, дабы в очередной раз не копировать предыдущие работы по рассматриваемой тематике, отметим некоторое смещение акцентов и теоретических интересов по сравнению с прошлыми, позднесоветскими и начальными постсоветскими годами. Сегодня, когда уже три десятилетия существует демократическая Россия, обращение к вопросу институционализации дореволюционной отечественной социологии куда больше связано с процессом поиска российской национальной специфики, с нашей самоидентификацией в новых условиях, чем это было еще десять-пятнадцать лет тому назад. Нынешние условия ставят на повестку дня поиски, в чем-то существенно отличные от поисков предыдущих лет. Сегодня, когда в условиях глобализации российская наука все больше переходит на теоретические разработки, методы и шаблоны, “отлитые” по стандартам Запада, незнание отечественной социологической традиции и почти полная отстраненность от нее в теории и на практике нынешней жизни могут обернуться потерей отечественной социологией лица и в целом собственного национально-исторического лица России. Сложившаяся ныне ситуация ставит задачу воскрешения у социологов качеств самостоятельности и новизны исследования наших внутренних, сильно изменившихся и усложнившихся за век социальных проблем. Речь должна идти о творческом, современном переосмыслении и применении разработок дореволюционной отечественной социологической классики к современным российским реалиям. Необходимо акцентировать внимание на том, что некоторые теоретические разработки ведущих русских социологов вполне эффективно работают сегодня, а в свое время предвосхитили развитие на Западе целых школ и направлений⁸.

⁶ Горшков М.К. Самобытность русской социологии в контексте исторического времени // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23. № 1. С. 15.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ Кукушкина Е.И. Русская социология и западная наука (XIX — нач. XX вв.) // Социс. 2006. № 3. С. 113–119.

В настоящее время мы отмечаем: студенты не желают изучать историю русской социологии и не горят особым желанием заниматься этой проблематикой. Эта ситуация является зеркальным отражением как изменений в учебных программах последних лет, так и общих настроений в постсоветской обществоведческой, преподавательской, исследовательской среде. Болезнь сугубо прозападной ориентации мышления русской интеллигенции развивается давно, веками не меняется ничего. Корни этого очевидны. Еще Н.А. Бердяев, предупреждая об опасности, писал: “Западники были не правы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории, держались упрощенных взглядов на прогресс просвещения и цивилизации, не видели никакой миссии России, кроме необходимости догнать Запад”⁹. С тех пор мало что изменилось в принципе. Однако на исходе двух десятилетий нынешнего века даже простой здравый смысл и элементарная оценка опыта наших ошибок и провалов говорят нам о необходимости обращения к исходной точке — к теме истории становления живой отечественной социологической мысли, развивавшейся тогда, в начале прошлого века, в исторически сходных с нынешними условиях становления капиталистических отношений. В своей статье Н.В. Романовский¹⁰ в связи с вхождением России в Болонский процесс и переориентацией образования с требования достижения “фундаментальности” на требование достижения “компетенции” указывает на необходимость осовременить курс “История социологии”, оживить прошлые знания и достижения мысли. Если курс фундаментальной теоретической общественной дисциплины, уходящей корнями в минувшие полтора столетия, не представить как значимый для современных исследований, то ценность его, угасая, будет стремиться к нулю. Тем паче это касается теорий русских социологов конца XIX — начала XX вв., равно как и институциональных форм подачи и распространения, т.е. форм и методов коммуникации этого знания. Учитывая, что минуло уже столетие со времени роковой для отечественных социально-гуманитарных наук даты, обращение к той, прерванной в 1920-х гг., традиции социологического мышления в России и его институционализации является для нас сегодня весьма востребованным.

Остановимся на некоторых исторических событиях и причинах, которые способствовали развитию социологической науки в России, и на особенностях становления социологии как научной дисциплины

⁹ Бердяев Н.А. Русская идея. Париж, 1971. С. 150.

¹⁰ Романовский Н.В. Узловые проблемы курса “История социологии” // Вестник РГГУ. Серия “Философия. Социология. Искусствоведение”. 2008. № 2. С. 289–308.

с акцентированием внимания на процессе ее институционализации. Если принять во внимание, что теоретические социологические разработки, как они велись и формировались в России в начале XX столетия, были прерваны и не имели продолжения в советский (да и в постсоветский) период, то следует указать на актуальность и перспективность некоторых идей, выдвигавшихся первыми отечественными социологами, для нынешней России. Ведь, как верно отметил Л.Н. Москвичев¹¹, процесс становления социологической науки не был завершен ни на одном из этапов ее развития. Он достаточно спорно выделяет четыре этапа институционализации социологической науки: 1) 60-е гг. XIX в. и до революции 1917 г.; 2) 1918–1925 гг. — “первые годы советской власти”; 3) конец 1950-х — конец 1980-х — “хрущевская оттепель”; 4) начало 1990-х, включая современность. Думается, что данное деление формально, и не совсем верно отображает теоретическую и идейную значимость достижений каждого из этих процессов становления социологии. Более четкую и подробную градацию предлагает группа исследователей из Московского государственного университета¹², которая разделяет период середины XIX — начала XX вв. (вместившийся у Л.Н. Москвичева в два) на четыре этапа: 1) 60–90-е гг. XIX в. — “ранний этап”; 2) начало 90-х гг. XIX в. — начало XX столетия — “зрелый этап”; 3) начало XX века — 1917 г.; 4) 1917–1930 гг. — послереволюционный этап.

Особо отметим, что теоретическое обоснование предмета и методов социологической науки в России как никогда было сильно именно в периоды перетекания одного века в другой, условно на рубежах веков — XIX и XX вв., а также XX и XXI вв. Сразу замечу: именно столетие назад данное обоснование носило оригинальный, самобытный, национальный, “русский” характер, не говоря уже о разнице в глубине и фундаментальности теоретических разработок первого (XIX–XX вв.) и второго (XX–XXI вв.). В первом случае стремление к самостоятельности и самобытности в вопросах теории социологии явно превалировало, несмотря на тот очевидный факт, что классическая русская социология составляла с западной “сообщающиеся сосуды”. Этот очевидный историко-социологический факт “разности потенциалов” дореволюционной и постсоветской социологических наук обосновывает рамки этой статьи: обзор процесса институционализации временного топоса российской социологии будет ограничен и завершен первыми двумя десятками лет XX в.

¹¹ Москвичев Л.Н. Указ. соч. С. 26.

¹² Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной. М., 2006.

Начиная с середины XIX в. лучшие теоретико-практические умы России занимались адаптацией и развитием передовой тогда социологической науки, вполне учитывавшей российскую национальную специфику, применяя ее методологию к той культурной, социально-политической и хозяйственной обстановке, в рамках которой им приходилось жить и работать. Тот изначальный процесс развития специфически социологического знания в России в большинстве случаев был подхвачен учеными, которые по своей профессиональной принадлежности и складу ума были либо представителями естественных наук (баллистик и математик П.Л. Лавров, горный инженер Н.К. Михайловский, математик и статистик А.А. Чупров и др.), либо юристами (В.Н. Майков, Л.О. Петражицкий, М.М. Ковалевский, В.М. Хвостов, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, П.А. Сорокин и др.) и, отчасти, историками (наиболее фундаментальный и академичный представитель — Н.И. Кареев). Зачастую при этом многие из перечисленных ученых были активными политическими деятелями своего времени. Представляется верным мнение, что такое внимание к социологической науке со стороны представителей юриспруденции имперской России было не просто стихийным интересом, восприятием ими социологии как своего рода ноу-хау. Сам факт, что именно юристы стали во главе социологических разработок и процесса институционализации социологии в России, говорит о том, что русские ученые с практическим складом ума, с наибольшей степенью приближения к конкретной социальной практике жизни в первую очередь видели именно в этой науке возможность изменения и трансформации стагнировавшей российской действительности. Неслучайно активный интерес к социологии стал проявляться в пореформенной России сразу, уже в 60-е гг. XIX столетия. Главной социальной причиной большого интереса к социологии стал, на наш взгляд, известный факт: в результате реформ 1861 г. резко изменилась общественная структура российского общества, в стране в разы возросло количество свободно подданных. Менялась и экономическая структура России, активно развивалась, налаживалась и усложнялась структура промышленности России, что требовало научных разработок в естественно-научной сфере. Как отмечает С.С. Новикова, возникновению интереса к социологии, предшествовало бурное развитие естественных наук¹³. Все это естественным образом повлекло за собой реформы в образовательной сфере.

¹³ Новикова С.С. Указ. соч. С. 77.

В 1863 г. выходит новый Университетский устав¹⁴, который сегодня признан историками как самый “либеральный” из всех прочих университетских уставов, принятых в царской России, хотя уже в 1863–1864 гг. произошло Польское восстание, в связи с чем на выдачу определенной литературы был наложен ценз. В этой связи не лишним будет напомнить, что до этого в России действовал Устав 1835 г., значительно урезавший программу преподавания гуманитарных наук. Кроме того, отзвуком на события 1848 г. в Европе (Германия, Франция, Италия, Австрийская империя) явилось и вовсе упразднение в Российской империи философских факультетов¹⁵. Так что в нашей стране тогда в сфере общественной мысли образовался своеобразный интеллектуальный вакуум, в который спустя полтора десятка лет и ворвался контовский социологизм позитивистского толка. И он был воспринят учеными-обществоведами как глоток чистого воздуха и как призыв к развитию социологии.

Таким образом, к 60-м гг. XIX в. — периоду “философских кружков” и “журналов” — почва была подготовлена всем ходом развития истории, и о социологии (шире — об общественной науке) впервые было упомянуто на страницах газет. Стоит еще отметить первую публикацию В.Н. Майкова 1845 г., которая носила название “Общественные науки в России” и знаменовала собой, по сути, попытку начать открытую дискуссию по проблемам социологии. В данной книге, написанной достаточно активным и молодым тогда человеком, примыкавшим к кружку петрашевцев, находившимся под явным влиянием контовского позитивизма, “социальная философия” противопоставляется немецкой метафизике, которой была очарована значительная часть русского образованного общества с начала 20-х гг. XIX в. Напомним, что все те, кого И.И. Дмитриев еще в 1804 г. назвал “славянофилами”, были в молодые годы яркими западниками и увлекались идеями немецкой метафизики ничуть не меньше, чем в самой Европе. Однако насущные проблемы, стоявшие перед Россией, при общем тренде секулярного европейского (чуть позже и российского) интеллекта — от метафизики к позитивизму — положили начало резкой критике метафизического мышления как религиозного в своей основе. О. Конт с его “позитивной религией” заменил в умах интеллигенции И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, И.Г. Фихте и

¹⁴ Университетский Устав (18 июня 1863). URL: letopis.msu.ru/documents/2760 (дата обращения: 25.10.2018).

¹⁵ Подробнее см.: Павлов А.Т. Философское образование в Российской империи. М., 2017. С. 83–140.

Ф.В. Шеллинга. С.С. Новикова¹⁶, также высказала предположение, что основной базой для произведения В.Н. Майкова послужила вышедшая тремя годами ранее книга основоположника социологии О. Конта “Курс позитивной философии”. Интересно следующее замечание М.К. Горшкова: “...уже в 1845 г. работы Конта имелись в библиотеке петрашевцев”¹⁷, к числу которых, кстати, примыкал и молодой тогда Ф.М. Достоевский. И.А. Голосенко и В.В. Козловский указывают, что в 1861 г. Ф.М. Достоевский, вспоминая о В. Майкове, скончавшемся еще в 1847 г., сожалел: “...многого обещала эта прекрасная личность и, может быть, многого мы с нею лишились”¹⁸. Тем не менее, несомненным остается тот факт, что именно В.Н. Майков осуществил первый “вброс” позитивного социологизма в российскую интеллектуальную среду.

Естественно, интерес к социологическому осмыслению реалий российского общества проявлялся и до В.Н. Майкова и последовавшего за тем оформления самой социологии как самостоятельной науки. В какой-то мере работы, написанные еще Ю. Крижаничем, М.В. Ломоносовым, А.Н. Радищевым, П.Я. Чаадаевым, представителями славянофильства и западничества, уже затрагивали острые социальные проблемы. Весь вопрос в том, как на эти проблемы посмотреть и с каких позиций их критиковать, какими методами их пытаться решать. Именно в те времена совершился окончательный излом интеллектуальных настроений в Европе и в России. Альтернатива была: или религиозно-метафизическое, или позитивное, секулярное, атеистическое, а то и нигилистическое толкование социальной реальности, истории, общества, человека и государства. Со времен русских западников как русских предтеч российского социологизма крен явно пошел в сторону позитивизма, материализма, антиметафизических (позитивных) концепций. Произведения А.И. Герцена, Н.П. Огарева и Н.Г. Чернышевского, в которых достаточно открыто и прозрачно ставится вопрос о социальном преобразовании российского общества, можно отнести к непосредственной пред-социологической мысли в России.

Известно, что “среди первых немногочисленных слушателей социологического курса О. Конта в Париже были и русские — Н.М. Сатин, Н.Г. Фролов, В.П. Боткин и другие, которые о своих впечатлениях сообщили Н.П. Огареву, а тот в свою очередь — В.Г. Белинскому и

¹⁶ Новикова С.С. Особенности развития социологической мысли в России // СОЦИС. 2002. № 10. С. 122–130.

¹⁷ Горшков М.К. Указ. соч. С. 16.

¹⁸ Цит. по: Голосенко И.А., Козловский В.В. Указ. соч. С. 44.

А.И. Герцену”¹⁹. Сам дух того времени предполагал отклики на изменившуюся парадигму сознания в самых разных сферах культуры. Обращаясь к русской литературе того периода, которая тесно связана с русской философской мыслью, А.О. Бароньев²⁰ отмечает социологическую направленность произведения И.С. Тургенева “Отцы и дети” (1862) и даже указывает на вероятностную принадлежность главного героя романа нигилиста Евгения Базарова к числу позитивистов (прототипом Базарова многими исследователями был признан В.Г. Белинский).

В книге “Развитие социологии в России” фиксируется, что первым показателем, свидетельствующим о рождении отечественной социологической науки, стала все же не статья В.Н. Майкова, а статья П.Л. Лаврова “Позитивизм и его задачи” (1868), за которой последовала и публикация его “Исторических писем” (1869). П.Л. Лавров, человек всесторонней интеллектуальной развитости, кропотливый ученый-исследователь, открыто исповедовал свой, построенный на радио теоретический атеизм, хотя и весьма своеобразный, примыкал к числу народников, за что и был признан в 1867 г. “неблагонадежным” и отправлен в ссылку, из которой бежал в 1870 г., П.Л. Лавров разработал свою философскую систему, которую он хотя и противопоставлял идеалистической метафизике, однако полагал (вероятно в полемике с Марксом), что она способна преодолеть “ограниченность” позитивизма и материализма. Именно за такую промежуточную, своеобразную позицию, каузальную с одной стороны и этикоцентрическую, т.е. личностную, с другой, русских социологов-субъективистов считали “полупозитивистами”. Интересно, что именно теперь, по прошествии стольких лет, русская субъективная школа в плане историко-социологического рассмотрения рассматривается как предшественник социологии личности, которую никак нельзя свести к одной социальности, полагая, что она есть только продукт причинно-следственных связей в социуме. Персоналистическая социология ныне — одно из перспективных направлений развития отечественной социологии личности.

Двусмысленная, промежуточная позиция П.Л. Лаврова не могла к тому времени претендовать на срединное положение между материализмом и субъективизмом с оттенками метафизики и остановить инерцию позитивно-материалистического мышления. Так, в работе “Антропологический принцип в философии” (1860) Н.Г. Черны-

¹⁹ Новикова С.С. Социология... С. 86–87.

²⁰ Бароньев А.О. Социология и социологическое образование в Санкт-Петербургском государственном университете: к 25-летию факультета социологии. СПб., 2014. С. 7–8.

шевский, указывая на богатый опыт немецкой философской науки, высказывает недоумение по поводу того, что в своем сочинении “Очерки вопросов практической философии” П.Л. Лавров²¹ предлагает обратиться к работам английских и французских ученых, вторящих немецким философам. Отметим, что ориентированность русских мыслителей на историзм была не чем иным, как следствием влияния немецкой социально-философской мысли (стоит вспомнить только государственную школу²², Н.Я. Данилевского и др.). Однако как уже отмечалось выше, бурный рост естественных наук с их опорой на опыт и факт спровоцировал отказ от метафизических систем в пользу позитивизма и его логического завершения — материализма. Мысль о том, что социология, по задумке ее создателя, должна была сочетать в себе как естественнонаучные методы, так и методы исследования социально-гуманитарных наук, была весьма привлекательна для многих ученых. Однако русские мыслители, первым из которых был Э.К. Ватсон, критиковали иерархию знаний О. Конта за игнорирование таких отраслей знания, как политическая экономия и психология²³.

Второй значимой, но столь же противоречивой фигурой, которую принято относить к истокам возникновения русской социологической мысли в ее субъективистском изводе, был Н.К. Михайловский, в 1869 г. вступивший на научную арену со статьей “Что такое прогресс?” Его метания между теоретической честностью и практической совестью, объективной “правдой-истиной” и субъективной “правдой-справедливостью” привели к непоследовательности, к дискретности мысли, к философскому бесплодию и к резкой критике его трудов как справа (Н.А. Бердяев, П.Б. Струве), так и слева (В.И. Ленин). П.Б. Струве, подводя итог нравственно-теоретическим терзаниям Н.К. Михайловского, писал: «В лице философствовавшего г. Михайловского оказались два существа, не опознавшие себя, не размежевавшиеся между собой, а потому друг другу только мешавшие. Положительная наука у него бессознательно извращалась метафизикой, а метафизическую мысль тяготило, связывало и обеспложивало ее подчинение “положительной науке”. Как бы то ни было, г. Михайловский в истории русской философской мысли займет место рядом с П.Л. Лавровым, как блестящий выразитель первой смутной, почти бессознательной реакции почти неустранимой “метафизической потребности” против позитивизма и притом — реакции, вышедшей

²¹ П.Л. Лаврова исследователи относят к русскому позитивистскому направлению.

²² *Иллерецкий В.Е.* Историография. О государственной школе в русской историографии // Вопросы истории. 1959. № 5. С. 141–159.

²³ Подробнее см.: *Голосенко И.А., Козловский В.В.* Указ. соч. С. 48.

из недр самого же позитивизма»²⁴. Скрестить в социальной теории социальный позитивизм с личным панморализмом явно не удалось. Об этом свидетельствуют и факты личной биографии П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского. В.Н. Жуков²⁵ указывает на принадлежность первых русских социологов-субъективистов к созданию идеологии народничества и примыканию к этому движению. Попытки разработки нравственного общественного идеала русскими субъективистами-полупозитивистами показали свою несостоятельность и в теории, и на практике, оборачиваясь материалистическим внерелигиозным и имморальным радикализмом их эпигонов. Революционный радикализм ожидал адекватной себе идеологии, и она пришла почти сразу — на плечах позитивизма в сознание образованной России ворвался марксизм. Наряду с трудами позитивистов стали выходить работы экономиста, основателя марксистского направления в русской социологии Н.И. Зибера, уже в 1871 г. выступившего в защиту К. Маркса от его критиков. Близким к марксизму материалистическим мировоззрением обладали на русской почве представители органицизма, который в социологии заимствует целый ряд концептуальных методов и понятий из естественных наук (органицист А.И. Стронин и дарвинист Н.Д. Ножин, отчасти экономист и тайный советник П.Ф. Лилиенфельд). Словом, позитивизм и материализм уверенно пробивали себе дорогу к сознанию русской интеллигенции и все настойчивее требовали своего институционального оформления, легализации, и это было только делом времени.

Смещение в русском образованном сознании в сторону секуляризма, материализма и позитивизма произошло. В.С. Соловьев констатировал очевидный факт замены в сознании “катехизиса Филарета на катехизис Бюхнера”. Позитивизм в широком смысле стал казаться панацеей, он стал программой, идеологией, мировоззрением многих. Российская публицистика со второй половины XIX в. также была увлечена этим идейным новшеством и сыграла значительную роль в распространении информации о западноевропейских социологических воззрениях и исследованиях. С 1860-х гг. в печать выходят переводы работ О. Конта, Дж. Милля, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и др.²⁶ В газетах и журналах освещается научная

²⁴ Струве П.Б. *Patriotica: политика, культура, религия, социализм*. М., 1997. С. 376.

²⁵ Жуков В.Н. *Социология права в России (вторая половина XIX — первая треть XX в.)*: Монография. М., 2015. С. 25.

²⁶ Подробнее см.: Голосенко И.А., Скороходова А.С. *Сочинения зарубежных социологов в русской печати середины XIX — начала XX веков*: Библиогр. указ. СПб., 1997.

жизнь первых социологических сообществ, в которых самое активное участие принимали некоторые русские социологи. Русским ученым-химиком Г.Н. Вырубовым, проживавшим во Франции и считающимся социологом французским, вместе с Э. Литтре еще в 1867 г. был основан журнал “La philosophie positive”, в котором публиковались статьи не только зарубежных исследователей, но и те, что присылались из России.

Теперь о мифах — марксистских и неолиберальных. Многие современные исследователи развития социологической мысли повторяют как мантру то положение, что социологическое мышление всячески тормозилось, официально не допускалась не только в качестве учебной дисциплины в образовательные заведения, но и в печать. Но, как нам кажется, причина такого запрета со стороны официальных властей могла крыться не только в том, что власть имущие в силу ортодоксальности мышления и консервативной функции опасались нововведений и обсуждения социальных проблем общества среди его широких слоев. В первую очередь факты запретов и преследований вытекали из того, что многие социологи отличались радикализмом в политике, входили в состав достаточно экстремистски настроенных организаций. В теле имперской России стали быстро распространяться идеи терроризма. Поэтому после либерализации мысли в пореформенной России, уверенного развития социологических идей и широкого распространения их в образованном обществе в результате совершенного 1 марта 1881 г. теракта, организованного “Народной волей”, был убит царь-освободитель Александр II. После этого, как было сказано выше, в 1884 г. последовало ужесточение университетского устава. Этим пытались ограничить, сковать свободу творчества в академической среде путями бюрократизма чиновников. Преподавательские должности не были выборными, профессура назначалась “бюрократическими инстанциями”, что значительно тормозило развитие науки²⁷. Неудивительно, что отставки и уходы из университетов стали обычным делом. Вот только три характерных случая, касающихся фигур первой величины. Еще в 1868 г. Б.Н. Чичерин вместе с рядом других профессоров вышел в отставку в знак протеста против курса Министерства народного просвещения. В.С. Соловьев 28 марта 1881 г. прочитал лекцию, в которой призывал помиловать убийц Александра II, оказался в опале и навсегда ушел из университета. М.М. Ковалевский был уволен с

²⁷ Подробнее см.: Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский Устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (часть II) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. С. 89–101.

кафедры в 1887 г., что вынудило его отправиться в Париж и стать там большим французским социологом. По воле судьбы оказавшиеся в Париже П.Ф. Лилиенфельд, М.М. Ковалевский, Е.В. де Роберти и др. взаимодействовали с ведущими представителями западной социологической мысли — Г. Спенсером, Р. Вормсом, Э. Дюркгеймом, Г. Тардом и др. Русские социологи принимают активное участие в деятельности Международного института социологии, основанного в 1893 г. Р. Вормсом. А в 1901 г. благодаря усилиям российских ученых была открыта Русская высшая школа общественных наук²⁸. В первый год существования школы на занятия было записано около 150 русских студентов и 60 “парижских русских студентов”. Такому, значительному по тем временам, числу студентов, конечно, способствовал интерес к запрещенной для преподавания в России науке и тот факт, который отметил А.О. Бороноев: “...русская колония в столице Франции особенно выросла к 1899 г.”²⁹ В основе преподавания в Школе лежал междисциплинарный подход, который должен был, по задумке М.М. Ковалевского (одного из организаторов деятельности Школы), привить учащемуся специфически социологическое мышление. В рамках Школы преподавали такие русские социологи, как М. Ковалевский, Н. Кареев, Е. де Роберти, А. Чупров, М. Туган-Барановский, Ю. Гамбаров, Л. Оболенский, К. Тахтарев, П. Милюков, Г. Плеханов, С. Муромцев, П. Струве, В. Ульянов и др. Школа просуществовала вплоть до 1906 г.

С конца XIX в. начинается более зрелый период (третий этап) развития социологической мысли в России. На данном этапе, верхней границей которого считается 1917 г., как было продемонстрировано выше, происходит активный процесс взаимодействия и сотрудничества русских и зарубежных социологов, также начинают возникать первые научные заведения, в которых преподаются социологические дисциплины. К началу XX в. число ученых, занимавшихся социологическим анализом действительности, значительно возросло, что не могло не привести к их внутренней дифференциации. На данном этапе развития социологии в России течения позитивизма и марксизма, доселе шедшие фактически бок о бок, разошлись по разным спектрам научного знания. Весьма ощутима стала критика органицизма, столь популярного в ранний период. Так, Н.И. Кареев в своей статье “Основные направления социологии и ее современное

²⁸ Подробнее см.: *Ермакович Ю.М.* Из истории Русской высшей школы общественных наук в Париже // *Российская социология: Историко-социологические очерки* / Под ред. А.О. Бороноева, В.В. Козловского. М., 1997.

²⁹ *Бороноев А.О.* Указ. соч. С. 12.

состояние” (1903) описывает возникшее деление современных ему социологических школ, основой которого стал подход к пониманию личности, а, следовательно, метод, используемый социологами при изучении общественной жизни. Он полагает следующее: “Дарвинистическая социология и интеллектуальная гипотеза общества, как ни различны они между собой, все-таки одинаково признают самостоятельное значение каждой индивидуальности: в органической теории личность превращается в простую клеточку высшего индивидуума, называемого общественным организмом, и в аналогичное отношение к личности, как к величине, которую можно пренебречь, становится и экономический материализм”³⁰. Перечисленные школы Н.И. Кареев называет объективным направлением, а также указывает на возникшую оппозиционную школу, именуемую субъективной: “Против такого воззрения в самой позитивной социологии чисто научного характера возникла оппозиция, которая считает невозможным теоретически понять общество без самого внимательного отношения к внутреннему миру личности, а это внутреннее отношение признает еще неполным без этического элемента”³¹.

Если обратиться к материалам историко-социологических исследований, то можно установить, что в России конца XIX — начала XX вв. существовало уже несколько “школ”, отвергающих подход последователей “объективизма”. Е.И. Кукушкина утверждает: “Так, в России значительно раньше, чем на Западе, социологи обратились к разработке теории личности, к постановке психологических исследований и подведению под социологию психологического фундамента... Широко известно и признано на Западе, что русским ученым принадлежит наиболее обстоятельная критика биологизма и социал-дарвинизма (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев, Л.И. Мечников, Я.А. Новиков и др.)”³². Характерной чертой русской социологии того периода стал ее уклон в сторону психологии, пристальное внимание уделялось вопросам личности и роли ценностей в общественной жизни. Особое место в работах русских социологов занимала тема этики социальных отношений и нравственного идеала. Разработке данной тематики важное место отводилось двумя направлениями русской социологической мысли: субъективной со-

³⁰ Кареев Н.И. Основные направления социологии и ее современное состояние // Введение в изучение социальных наук: Сб. ст. / Под ред. Н.И. Кареева. СПб., 1903. С. 22.

³¹ Там же. С. 23.

³² Кукушкина Е.И. Русская социология и западная наука (XIX — нач. XX вв.) // Социс. 2006. № 3. С. 114.

циологией (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский) и неокантианством³³ (А.С. Лаппо-Данилевский, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, В.А. Хвостов, Л.И. Петражицкий). Их идеи психологизма и этики подхватили неопозитивисты (Е.В. де Роберти, П.А. Сорокин). Если период творчества представителей субъективной школы приходился на вторую половину — конец XIX в., то активный период работы представителей неокантианства и неопозитивизма можно отнести к началу XX в. Особенностью подхода неокантианцев было желание пересмотреть сами методологические основы социологии с точки зрения субъективного ценностно-нормативного опыта³⁴. Судя по отзывам, социологические наработки русских вызвали определенный интерес в Европе. Известен факт переписки, состоявшейся между Б.А. Кистяковским и М. Вебером, и как отмечает Ю.Н. Давыдов, “имя Кистяковского нередко упоминается уже в первой статье Вебера о русской революции 1905 года”³⁵, а также и в других работах немецкого ученого.

Однако процесс институционализации русской социологии, конечно, немыслим без оформления образовательных институтов и учреждений в самой России. Данному процессу способствовала и некая смена политического курса, произошедшая в годы правления Николая II. Однако стоит отметить один интересный факт, касающийся политической деятельности некоторых русских социологов. После закономерного поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. и первой русской революции, был принят Манифест, разрешавший создание политических партий и де факто поспособствовавший созданию первой Государственной Думы. Период деятельности первой Государственной Думы, в состав которой вошли такие русские социологи-юристы, как С.А. Муромцев, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, ограничился всего 72 днями, после чего она была распущена императором. Выступавшие против монаршего произвола депутаты в скором времени подписали Выборгское воззвание, после чего последовал уголовный процесс над подписавшими.

Тем не менее, в 1908 г. по личному разрешению императора Николая II в Санкт-Петербурге был открыт частный Психоневро-

³³ Отнесение вышеперечисленных ученых к указанным направлениям можно найти у таких исследователей, как Е.И. Кукушкина, В.В. Козловский, И.А. Голосенко, Н.В. Немирова.

³⁴ Подробнее см.: *Немирова Н.В.* Методология как предмет анализа в социологии русского неокантианства // Ученые записки ЗабГГПУ. Серия: Социологические науки. 2012. № 4 (45). С. 130–137.

³⁵ *Давыдов Ю.Н.* Вебер и Кистяковский. Опыт микроанализа // Кистяковский Б.А. *Философия и социология права* / Сост. В.В. Сапов. СПб., 1998. С. 714.

логический институт с первой социологической кафедрой, которую поочередно возглавляли М.М. Ковалевский и Е.В. де Роберти, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев. Основал и возглавлял институт и способствовал развитию социологии В.М. Бехтерев. Как отмечал, А.О. Бороноев, еще в 1906 г. М.М. Ковалевский участвовал в создании Высшей вольной школы и способствовал возникновению социального факультета. В рамках данного учебного заведения социология стала преподаваться в качестве обязательной учебной дисциплины³⁶. А годом ранее, после своего возвращения в Россию, М.М. Ковалевский, Ю.С. Гамбаров и Е.В. де Роберти выпустили сборник избранных лекций Русской высшей школы общественных наук в Париже³⁷. Но вернемся непосредственно к деятельности Психоневрологического института. В рамках данного учебного заведения предполагалось проведение комплексного исследования человека. Помимо социологии в Психоневрологическом институте преподавалось множество других курсов, затрагивающих практически все сферы научного знания. На базе данного учебного заведения выходят в свет четыре тома “Новых идей в социологии”, которые были подготовлены членами кафедры социологии непосредственно.

Имена таких преподавателей юридического факультета Санкт-Петербургского университета, как М.М. Ковалевский и Л.И. Петражицкий, способствовали распространению интереса к социологии среди учащихся. В частности, под умелым руководством в первую очередь Л.И. Петражицкого раскрывается талант П.А. Сорокина, Г.Д. Гурвича, Н.С. Тимашева³⁸. Однако все же неудовлетворенный тем, что в России существует только одна кафедра социологии, в то время как в США практически в каждом высшем учебном заведении имеется место для преподавания этой науки, М.М. Ковалевский по этому поводу иронично писал: “Меня менее бы поразило известие, что в Нанкине или Пекине создана кафедра социологии, чем слух о том, что г. Кассо затевает такую реформу в Москве или в Петербурге. А между тем в Китайской республике, несомненно, имеется препятствие к созданию такого преподавания, которого нет в России”³⁹.

³⁶ Бороноев А.О. Социология и социологическое образование в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб., 2014. С. 18–19.

³⁷ Подробнее см.: Русская высшая школа общественных наук в Париже: Избранные лекции профессоров / Под ред. Е. де Роберти, Ю.С. Гамбарова, М.М. Ковалевского. СПб., 1905.

³⁸ Подробнее см.: Койдер А. Социально-правовые идеи Леона Петражицкого и их актуальность // Философия права: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский / Под ред. Е.А. Прибытковой. М., 2018. С. 124–150.

³⁹ Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России // Новые идеи в социологии. Сб. 1: Социология, ее предмет и современное состояние. СПб., 1913. С. 4.

Однако только после смерти М.М. Ковалевского, последовавшей в 1916 г., П.А. Сорокину все же удалось выхлопотать отделение для социологической науки в Петроградском университете (аналогичный отдел появился и в Ярославском университете). С 1917 г. вводится научная степень по социологии.

Смерть М.М. Ковалевского стала интегрирующим фактором, способствовала объединению всех сочувствующих той цели, к которой он стремился в составе Русского социологического общества — разработка и всемерное распространение вопросов социологии и других общественных наук. Первым председателем Общества памяти М.М. Ковалевского был избран академик А.С. Лаппо-Данилевский, которого впоследствии сменил Н.И. Кареев. Благодаря усилиям членов общества в 1919 г. был открыт первый в России Социологический институт, основанный на базе Социобиблиологического института (1918).

Грянувшие в 1917 г. Февральская, а за ней Октябрьская революции поначалу только повысили набранные русскими социологами темпы. Но хотя П.А. Сорокин и отмечал в своей статье “Состояние русской социологии за 1918–1922 гг.,” что «жизнь, ставившая ежедневно “прикладные вопросы” социального бытия, усиленно стимулировала работу социологической мысли»⁴⁰, тем не менее, реальное число глубоких теоретиков и исследователей в области социологии в России значительно снизилось. Так, из России эмигрировали такие ученые, как П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий; В.М. Хвостов в самом начале 1920 г. покончил жизнь самоубийством. В связи с трагичной кончиной В.М. Хвостова прекратил свою деятельность “Институт Социальной Психологии”. Однако к 1918 г. число книг по социологии достигало 188⁴¹. Появлялись союзы и ассоциации по изучению общественных наук в Казани, Томске, Владивостоке, на Украине.

П.А. Сорокин принимал активное участие в проведении и анализе социологических исследований, направленных на изучение различных общественных явлений, результаты которых зачастую выходили в журнале “Экономист”. Весьма интересно его участие в руководстве “Отделом социальной рефлексологии” Института Мозга. В 1920 г. по его инициативе на базе Петроградского университета была создана первая научная кафедра социологии при

⁴⁰ Сорокин П.А. Состояние русской социологии за 1918–1922 гг. // Новая русская книга. Берлин. 1922. № 10. С. 483.

⁴¹ Голосенко И.А. Процесс институционализации буржуазной социологии в России конца XIX — начала XX вв. // Социологические исследования. 1978. № 2. С. 170–179.

факультете обществознания. Также в своей статье П.А. Сорокин отмечал, что “с начала революции социология была одним из покровительствуемых предметов и введена была не только во всех высших, но и в средних школах”⁴². Однако добавлял, что при отсутствии педагогических кадров по соответствующей специальности ничего хорошего от такого педагогического процесса ожидать не приходилось. Уже к 1921–1922 гг. социология “впала в немилость”. Большевистское правительство, до поры сквозь пальцы смотревшее на научные публикации русских ученых, стремительно начало закрывать, прекращать издание многих журналов. Когда на деле убедившись в разнице терминов “социолог” и “социалист” (а предполагаемая синонимичность понятий была весьма распространена еще в имперской России), на несогласных с политическим курсом ученых-социологов обрушилась волна репрессивных мер. Учебный курс социологической науки был значительно подкорректирован социологами-марксистами, а его преподавание дозволялось только преподавателям-коммунистам. Сам П.А. Сорокин был репрессирован и выслан из страны на одном из знаменитых “философских пароходов” в 1922 г. Дальнейшее развитие социологической науки шло в ключе марксистско-ленинской идеологии. В 1930-х гг. социология была и вовсе признана за буржуазную науку, и свободные теоретические разработки ее прекращены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердяев Н.А. Русская идея. Париж, 1971.

Бороноев А.О. Социология и социологическое образование в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб., 2014.

Бороноев А.О., Ермакович Ю.М. М.М. Ковалевский и институционализация социологии в России // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 120–126.

Введение в изучение социальных наук: социология, политическая экономика, правоведение. М., 2012.

Голосенко И.А. Процесс институционализации буржуазной социологии в России конца XIX — начала XX вв. // Социологические исследования. 1978. № 2. С. 170–179.

Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995.

Голосенко И.А., Скороходова А.С. Сочинения зарубежных социологов в русской печати середины XIX — начала XX веков: Библиогр. указ. СПб., 1997.

Горшков М.К. Самобытность русской социологии в контексте исторического времени // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23. № 1. С. 13–26.

⁴² *Сорокин П.А.* Указ. соч. С. 488.

Громов И.А. Процесс институционализации буржуазной социологии в России конца XIX — начала XX // Социологические исследования. 1978. № 2. С. 170–179.

Давыдов Ю.Н. Вебер и Кистяковский. Опыт микроанализа // Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Сост. В.В. Сапов. СПб., 1998. С. 713–738.

Ермакович Ю.М. Из истории Русской высшей школы общественных наук в Париже // Российская социология: Историко-социологические очерки / Под ред. А.О. Бороноева, В.В. Козловского. М., 1997. С. 170–180.

Жуков В.Н. Социология права в России (вторая половина XIX — первая треть XX в.): Монография. М., 2015.

Иллерецкий В.Е. Историография. О государственной школе в русской историографии // Вопросы истории. 1959. № 5. С. 141–159.

Кареев Н.И. Основные направления социологии и ее современное состояние // Введение в изучение социальных наук: Сб. ст. / Под ред. Н.И. Кареева. СПб., 1903. С. 16–36.

Кареев Н.И. Основы русской социологии / Подготовка текста, вступ. ст., комментарии И.А. Голосенко. СПб., 1996.

Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России // Новые идеи в социологии. Сб. 1: Социология, ее предмет и современное состояние. СПб., 1913.

Койдер А. Социально-правовые идеи Леона Петражицкого и их актуальность // Философия права: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский / Под ред. Е.А. Прибытковой. М., 2018. С. 124–150.

Кукушкина Е.И. Русская социология XIX — начала XX вв. М., 1993.

Кукушкина Е.И. Русская социология и западная наука (XIX — нач. XX вв.) // Социс. 2006. № 3. С. 113–119.

Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993.

Мелих Ю.Б. Иррациональное расширение философии Канта в России. Пути преодоления и возврата к Канту. СПб., 2014.

Москвичев Л.Н. Этапы институционализации отечественной социологии // Социология власти. 2004. № 2. С. 23–45.

Немирова Н.В. Методология как предмет анализа в социологии русского неокантианства // Ученые записки ЗабГГПУ. Серия: Социологические науки. 2012. № 4 (45). С. 130–137.

Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский Устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (часть II) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. С. 89–101.

Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.; Воронеж., 2000.

Новикова С.С. Особенности развития социологической мысли в России // СОЦИС. 2002. № 10. С. 122–130.

Павлов А.Т. Философское образование в Российской империи. М., 2017.

Пономарев Д.И. История российской социологии в кратком изложении: Учеб. пособ. Владимир, 2002.

Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е.И. Кукушкиной. М., 2006.

Романовский Н.В. Узловые проблемы курса “История социологии” // Вестник РГГУ. Серия “Философия. Социология. Искусствоведение”. 2008. № 2. С. 289–308.

Русская высшая школа общественных наук в Париже: Избранные лекции профессоров / Под ред. Е. де Роберти, Ю.С. Гамбарова, М.М. Ковалевского. СПб., 1905.

Сорокин П.А. Общеизвестный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994.

Сорокин П.А. Состояние русской социологии за 1918–1922 гг. // Новая русская книга. 1922. № 10.

Струве П.Б. Patriotica: политика, культура, религия, социализм. М., 1997.
Университетский Устав (18 июня 1863). URL: letopis.msu.ru/documents/2760 (дата обращения: 25.10.2018).

REFERENCES

- Berdjaev N.A.* Russkaja ideja [Russian idea]. Parizh, 1971 (in Russian).
- Boronoev A.O.* Sociologija i sociologičeskoe obrazovanie v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete [Sociology and sociological education at St. Petersburg State University]. SPb., 2014 (in Russian).
- Boronoev A.O., Ermakovich Ju.M.* M.M. Kovalevskij i institucionalizacija sociologii v Rossii [M.M. Kovalevsky and the institutionalization of sociology in Russia] // Sociologičeskie issledovanija. 1996. N 8. P. 120–126 (in Russian).
- Davydov Ju.N.* Veber i Kistjakovskij. Opyt mikroanaliza [Weber and Kistyakovskij. Microanalysis Experience] // Kistjakovskij B.A. Filosofija i sociologija prava / Sost. V. V. Sapov. SPb., 1998. P. 713–738 (in Russian).
- Ermakovich Ju.M.* Iz istorii Russkoj vysshej shkoly obshhestvennyh nauk v Parizhe [From the history of Russian School of Social Sciences in Paris] // Rossijskaja sociologija: Istoriko-sociologičeskie očerki / Pod red. A.O. Boronoeva, V.V. Kozlovskogo. M., 1997. P. 170–180 (in Russian).
- Golosenko I.A.* Process institucionalizacii burzhuznoj sociologii v Rossii konca XIX — nachala XX vv. [The process of institutionalization of bourgeois sociology in Russia of the late XIX — early XX centuries] // Sociologičeskije issledovanija. 1978. N 2. S. 170–179 (in Russian).
- Golosenko I.A., Kozlovskij V.V.* Istorija russkoj sociologii XIX–XX vv. [History of Russian sociology in XIX–XX centuries]. M., 1995 (in Russian).
- Golosenko I.A., Skorohodova A.S.* Sochinenija zarubezhnyh sociologov v russkoj pečati serediny XIX-nachala XX vekov: Bibliogr.ukaz. [Writings of foreign sociologists in the Russian press of the mid-nineteenth and early twentieth centuries: Bibliographic index]. SPb., 1997 (in Russian).
- Gorshkov M.K.* Samobytnost' russkoj sociologii v kontekste istoričeskogo vremeni [Originality of Russian sociology in the context of historical time] // Gumanitarij Juga Rossii. 2017. T. 23. N 1. P. 13–26 (in Russian).
- Gromov I.A.* Process institucionalizacii burzhuznoj sociologii v Rossii konca XIX — nachala XX [The process of bourgeois sociology institutionalization in

- Russia in the late XIX — early XX centuries] // Sociologičeskie issledovanija. M., 1978. N 2. P. 170–179 (in Russian).
- Illereckij V.E.* Istoriografija. O gosudarstvennoj shkole v ruskoj istoriografii [Historiography. About the state school in Russian historiography] // Voprosy istorii. 1959. N 5. P. 141–159 (in Russian).
- Kareev N.I.* Osnovnye napravlenija sociologii i ee sovremennoe sostojanie [The main directions of sociology and its current state] // Vvedenie v izučenie social'nyh nauk: Sb. st. / Pod red. N.I. Kareeva. SPb., 1903. P. 16–36 (in Russian).
- Kareev N.I.* Osnovy ruskoj sociologii [Basics of Russian sociology] / Podgotovka teksta, vstup. st., kommentarii I.A. Golosenko. SPb., 1996 (in Russian).
- Kojder A.* Social'no-pravovye idei Leona Petrazhickogo i ih aktual'nost' [Social and legal ideas of Leon Petrazhitsky and their relevance] // Filosofija prava: P.I. Novgorodcev, L.I. Petrazhickij, B.A. Kistjakovskij / Pod red. E.A. Pribytkovoj. M., 2018. P. 124–150 (in Russian).
- Kovalevskij M.M.* Sociologija na Zapade i v Rossii [Sociology in the West and in Russia] // Novye idei v sociologii. Sb. 1: Sociologija, ejo predmet i sovremennoe sostojanie. Spb., 1913 (in Russian).
- Kukushkina E.I.* Russkaja sociologija i zapadnaja nauka (XIX — nach. XX vv.) [Russian sociology and Western science (XIX — early XX centuries)] // Socis. 2006. N 3. P. 113–119 (in Russian).
- Kukushkina E.I.* Russkaja sociologija XIX — nachala XX vv. [Russian sociology XIX — early XX centuries]. M., 1993 (in Russian).
- Melih Ju.B.* Irracional'noe rasshirenie filosofii Kanta v Rossii. Puti preodolenija i vozvrata k Kantu [Irrational expansion of Kant's philosophy in Russia. Ways to overcome and return to Kant]. SPb., 2014 (in Russian).
- Medushevskij A.N.* Istorija ruskoj sociologii [History of Russian Sociology]. M., 1993 (in Russian).
- Moskvichev L.N.* Jetapy institucionalizacii otechestvennoj sociologii [Stages of national sociology institutionalization] // Sociologija vlasti. 2004. N 2. P. 23–45 (in Russian).
- Nemirova N.V.* Metodologija kak predmet analiza v sociologii ruskogo neokantianstva [Methodology as a subject of analysis in the sociology of Russian neo-Kantianism] // Učenyje zapiski ZabGGPU. Serija: Sociologičeskie nauki. 2012. N 4 (45). P. 130–137 (in Russian).
- Novikov M.V., Perfilova T.B.* Universitetskij Ustav 1884 g.: illuzija akademičeskoj svobody (čast' II) [University Charter of 1884: Illusion of Academic Freedom (Part II)] // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2015. N 1. P. 89–101 (in Russian).
- Novikova S.S.* Sociologija: istorija, osnovy, institucionalizacija v Rossii [Sociology: history, fundamentals, institutionalization in Russia]. M.; Voronezh, 2000 (in Russian).
- Novikova S.S.* Osobennosti razvitija sociologičeskoj mysli v Rossii [Features of the development of sociological thought in Russia] // SOCIS. 2002. N 10. S. 122–130 (in Russian).
- Pavlov A.T.* Filosofskoe obrazovanie v Rossijskoj imperii [Philosophical education in Russian Empire]. M., 2017 (in Russian).

Ponomarev D.I. Istorija rossijskoj sociologii v kratkom izlozhenii: Ucheb. posob. [History of Russian sociology in brief: Tutorial]. Vladimir, 2002 (in Russian).

Razvitie sociologii v Rossii (s momenta zarozhdenija do konca XX veka) [Development of sociology in Russia (from its inception to the end of the twentieth century)] / Pod red. E.I. Kukushkinoj. M., 2006 (in Russian).

Romanovskij N.V. Uzlovye problemy kursa "Istorija sociologii" [Key problems of the course "History of Sociology"] // Vestnik RGGU. Serija "Filosofija. Sociologija. Iskusstvovedenie". 2008. N 2. P. 289–308 (in Russian).

Russkaja vysshaja shkola obshhestvennyh nauk v Parizhe: Izbrannye lekicii professorov [Russian School of Social Sciences in Paris: Selected lectures by professors] / Pod red. E. de Roberti, Ju. S. Gambarova, M.M. Kovalevskogo. SPb., 1905 (in Russian).

Sorokin P.A. Obshhedostupnyj uchebnik sociologii. Stat'i raznyh let [Public textbook of sociology. Articles from different years]. M., 1994 (in Russian).

Sorokin P.A. Sostojanie russkoj sociologii za 1918–1922 gg. [State of Russian sociology for 1918–1922] // Novaja russkaja kniga. Berlin. 1922. N 10 (in Russian).

Struve P.B. Patriotica: Politika, kul'tura, religija, socialism [Patriotica: politics, culture, religion, socialism]. M., 1997 (in Russian).

Universitetskij Ustav (18 ijunja 1863) [University Charter (June 18, 1863)] // URL: letopis.msu.ru/documents/2760 (data obrashhenija: 25.10.2018) (in Russian).

Vvedenie v izuchenie social'nyh nauk: sociologija, politicheskaja jekonomija, pravovedenie [Introduction to the Study of Social Sciences: Sociology, Political Economy, Jurisprudence]. M., 2012 (in Russian).

Zhukov V.N. Sociologija prava v Rossii (vtoraja polovina XIX — pervaja tret' XX v.): Monografija [Sociology of law in Russia (second half of XIX — first third of XX century): Monograph]. M., 2015 (in Russian).